

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.21

Е.Б. Григорьева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Исследуется влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации различных органов и институтов государственной власти, в частности на установление и поддержание персонального типа легитимации. Предлагается анализ перспективы трансформации российского политического режима, а именно перехода персонального типа легитимности политической системы в структурный тип. В статье наряду с культурным, неоинституциональным, институционально-коммуникационным объяснениями оснований поддержки, доверия и некритического отношения к президенту выделяется авторитарный синдром.

Ключевые слова: легитимность власти; авторитарный синдром; посткоммунистическая трансформация.

Анализ политических процессов в современной России указывает на тенденцию нарастания в общественном сознании авторитарности. Специфика сложившейся ситуации состоит в том, что сокращение политической конкуренции, изменение системы выборов, препятствия на пути установления многопартийности, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса к государству, ликвидация некоторых элементов прямой демократии в целом соответствовали общественному запросу на авторитаризм и патернализм.

Несомненно, это объясняется рядом факторов, среди которых не последнее место занимает то обстоятельство, что действующий президент РФ опирается на поддержку общественного мнения. Фактор высокой личной популярности Владимира Путина у граждан своей страны лежит в основе конфигурации властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. Он оказывает существенное влияние на легитимацию политической системы в целом и на перспективы эволюции политического режима. Поэтому не удивительно, что в России сложился механизм персональной легитимации политической системы, связанный, однако, с серьезными рисками для стабильности системы.

Необходима постепенная трансформация персональной легитимности президента РФ в структурную (по Д. Истону) [1] легитимность президента РФ, кто бы ни занимал этот пост в будущем. Перспективы демократизации политического режима в России во многом зависят от преодоления распространенного в обществе авторитарного синдрома. Это делает задачу политологического анализа авторитарного синдрома и его влияния на политические практики чрезвычайно актуальной. Политическими следствиями преодоления авторитарного синдрома будут рационализация властных структур, институционализация политического участия и политической конкуренции. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью выявления эффективных механизмов противодействия или ослабления авторитарного синдрома в России.

Центральным также остается вопрос: почему насаждение демократии, утверждение демократических ценностей и поведенческих практик вызывают сопротивление? Если в обществе доминируют авторитарные личности, то характерно преобладание категорий силы, безопас-

ности и порядка, дисциплины и подчинения, властные отношения иерархичны, распространены патернализм, нетерпимость (ксенофобия), национализм, поиск врага. Проблемой является то, что авторитарные личности подчиняются недемократическим политическим действиям, зачастую оправдывая их. Современное развитие невозможно без свободного гражданина, разумно сочетающего свободу и ответственность, инициативу и восприимчивость к новому.

Немаловажной является проблема подчинения власти в демократическом обществе. Изучение общественных авторитарных настроений является значимым для объяснения антидемократических установок людей, сопротивления принятию либеральных политических ценностей, готовности подчиняться недемократической власти, любым, даже жестким приказам. Зная распределение авторитарных настроений и установок между различными слоями общества, можно с определенной вероятностью понимать их влияние на социально-политические процессы, а также определить условия и факторы, детерминирующие антидемократические установки и поведение.

Теоретическая концепция авторитарной личности претерпела существенные изменения за шестьдесят лет, прошедшие с ее публикации Т. Адорно и его коллегами. Некоторые элементы классической концепции авторитарной личности восходят к работам В. Райха, Э. Фромма, А. Маслоу, где в центре внимания ученых стояла проблема подчинения власти. Значимыми результатами эмпирического исследования группы ученых из Беркли было создание F-шкалы и описание девяти базовых черт авторитарной личности. Теория синдрома авторитарной личности Т. Адорно была подвергнута критическому анализу, который лег в основу дальнейших разработок по проблеме авторитарной личности с учетом новых изменений в обществе и достижений в науке.

В классических работах по исследованию авторитарной личности были заложены перспективы для изучения роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности (Р. Базиятов), связи авторитарности и восприятия угрозы реальной или воображаемой (Д. Остеррих, С. Фельдман, К. Стеннер, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст, М. Сэйлс), проблемы социального доминирования (Ф. Пратто, Дж. Сиданиус, П. Хевен, С. Буччи), ценностных ориентаций авторитарной личности

(А. Кнафо, И. Макки, Н. Фезе, Н. Дьяконова), авторитарности как переменной политического поведения (М. Яновиц, Д. Марвик, Ч. Фаррис, Д. Стюарт, Т. Холт, Ф. Гринштейн, М. Сэйлс).

В современных исследованиях авторитарности в качестве показательных характеристик авторитарной личности отмечены сопротивление социальным изменениям (Т. Герцель, С. Краусс, С. Макфарланд, М. Абалкина), слабый интерес к политике и политическим процессам (Б. Питерсон), поддержка вмешательства в другие государства, использования военной силы (Ф. Херсон, В. Далтон, С. Кам, Д. Киндер, Д. Баркер, Х. Кроусон, С. Тома), неприятие демократических прав и гражданских свобод (Б. Геддес, Дж. Залер, Х. Кроусон), оправдание и одобрение незаконных и недемократических действий правительства (Б. Геддес, Дж. Залер, Д. Каннети-Нисим), неприятие идеи множественности моральных норм (Дж. МсХоски, М. Уилсон, Н. Хестеволд).

С одной стороны, авторитарный синдром предстает как хорошо изученный социально-политический феномен. С другой – проблема активации авторитарного синдрома в условиях постсоветской политической трансформации рассматривается авторами фрагментарно. В статье сделана попытка системно исследовать проявление и влияние авторитарного синдрома на политические процессы в современной России.

Под авторитарным синдромом будем понимать относительно устойчивый комплекс ориентаций по отношению к власти, обществу и государству (иррациональное отношение к власти, некритическая оценка политического руководства, иерархизация социального и политического пространств, патерналистское восприятие государства, поиск внешнего врага, проявление агрессии, культ силы и величия, желание видеть страну супердержавой).

С учетом целей исследования, обобщая имеющиеся трактовки авторитарности, выделим наиболее существенные характеристики этого синдрома, уместные для его исследования на примере России: значительная роль государства (патерналистские ожидания в экономической и социальной сферах), великодержавность, отношение к свободе («свобода от»), потребность в сильном лидере, недоверие к внешнему миру, предпочтение порядка демократическим правам и свободам, неприятие принципов многопартийности, разделения властей, политической конкуренции, необходимости политического участия; иерархизация властных отношений, склонность к ксенофобии, националистические настроения.

Отношение граждан страны к институтам государственной власти является важным элементом легитимности политического режима и предопределяет степень устойчивости политической системы страны к вызовам разного рода. Легитимная власть является таковой, когда соответствует ценностным ориентациям граждан, поэтому источник легитимности исходит из народа, из ценностей, норм, стереотипов общественного сознания. Установки граждан в отношении власти, государства и общества в целом могут быть хорошим индикатором того, насколько демократические или авторитарные ценности укоренились не только на уровне формальных политических институтов, но и в структуре массовых политических ориентаций.

В статье предпринята попытка исследования динамики показателей авторитарного синдрома в массовом сознании и их влияния на процесс легитимации различных органов и институтов государственной власти, в частности на установление и поддержание персонального типа легитимности.

В результате крушения коммунистической системы идеологические принципы легитимации (по терминологии Д. Истона) оказались дискредитированы. В то же время формирование структурной легитимности не произошло по причине отсутствия ряда необходимых условий – действенной системы разделения властей, политической оппозиции, института многопартийности, независимых СМИ и ясного понимания гражданами необходимости наличия и функционирования этих политических институтов. Поэтому не удивительно, что в России сложился механизм персональной легитимации политической системы, который выражается в высоких и стабильных показателях популярности президента, однако связан с серьезными рисками для стабильности системы и оказывает существенное влияние на перспективы эволюции политического режима в структурный тип легитимации власти. Британский исследователь Р. Роуз подчеркнул, что «чем больше вклад Путина в обеспечение массовой поддержки существующего в России политического режима, тем выше вероятность потрясений после его ухода с этого поста» [2. С. 98].

Проблема выделения оснований популярности президента, лежащих в основе механизма персональной легитимации постсоветской политической системы, привлекла внимание целого ряда исследователей, выдвинувших гипотезы, содержащие культурное (авторитарные традиции политической культуры) [3–12], неоинституциональное (решающим фактором признается оценка эффективности политического курса руководителя) [13–15] и коммуникационное (учитывающее важную роль СМИ в формировании легитимности президентской власти) объяснения оснований популярности президента России [16–18].

С нашей точки зрения, можно выдвинуть еще одно объяснение устойчивости путинской популярности и формирования доминирующего персонального типа легитимности российской политической системы – это активация авторитарного синдрома. Данное объяснение предполагает, что массовая поддержка рыночных и демократических реформ значительно ослабла в ходе болезненной адаптации населения к новым реалиям и уступила место разочарованию, пессимизму, враждебности граждан к некоторым политическим и экономическим изменениям. В обществах, переживающих политическую или социальную трансформацию, наблюдается всплеск ре-сентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Речь идет о всплеске отторжения формирования новой политической и культурной систем на ценностном, когнитивном и поведенческом уровнях. Причинами для активации авторитарного синдрома стали неэффективность политического руководства (управления), резкий рост социального неравенства, коррупция, обнищание населения, стремительный рост безработицы, статусная деградация. Иными словами, коренной перелом во всех сферах жизни: работа, отдых, потребление, образование, участие в политике в

сочетании с необходимостью приспосабливаться к новым и более сложным условиям – привели к крушению первоначальных иллюзий и надежд и тем самым актуализировали авторитарный синдром.

Кризис доверия к государственной власти в процессе посткоммунистической трансформации был обусловлен не только экономическими трудностями, снижением уровня жизни граждан, криминализацией общества, падением престижа государства на мировой арене, но и тем, что старые политические институты были полностью дискредитированы, а становление новых демократических пришлось на период экономической депрессии. Не имея положительного опыта функционирования демократического режима, граждане связывали свои неудачи, чувство национального унижения, страх перед будущим с новой демократией [19. С. 88–89]. Более того, кризис доверия к власти и отсутствие взаимодействия между новой элитой и населением привели к снижению электоральной активности, потере интереса к политическому участию у граждан.

Непродуманные действия демократических сил спровоцировали рост авторитарных ценностей и установок в массовом сознании граждан. Демократический кризис после первой попытки демократизации способствовал значительному росту общественной потребности в «твердой руке», стремлению к порядку, неудовлетворенности россиян демократией [19. С. 63–64]. В такой ситуации персонализация политики, усиленная подконтрольными средствами массовой информации, является решающим фактором установления политической легитимности в молодых демократиях, где новые политические структуры и новые «правила игры», а также общее удовлетворение функционированием экономики еще недостаточно окрепли [20. С. 97].

В период политической апатии, социально-экономических проблем, доминирования в обществе негативных настроений, поляризации элиты стало очевидно, что ключевым фактором устойчивости политического режима в новой России может быть доверие к верховной власти, персонифицированное в личности президента.

Институт президентства определяется не только политической конъюнктурой, но и традициями страны, политической зрелостью общества, политической культурой. Президентство стало стержнем формирующейся новой российской государственности и демиургом новых отношений между властью и обществом. По мнению В. Кувалдина, то обстоятельство, что институт президентства не определял ориентиры развития страны и общества, а выражал «динамику теневых центров влияния», предопределило эволюцию режима от парламентского президентства к авторитарному. «Преуспевающие политики, верхушка бюрократии, финансовые тузы, придворные интеллектуалы, региональные боссы со своими командами образуют костяк постсоветской олигархии, которая предопределила авторитарные склонности режима» [21. С. 40].

Президент Б. Ельцин взял курс на либеральный авторитаризм, поставив цель проведения рыночных реформ, а российский парламент стал в сложившейся ситуации защитником демократии и принципа разделения властей. Формирование персонифицированного режима намного

обогнало становление разнообразных сдерживающих политических и социальных институтов, общественных структур. В условиях отсутствия полноценных партнеров и оппонентов такой режим стал восполнять и подменять другие институты. Подобная неустойчивая и малоэффективная конструкция несет в себе постоянный и усиливающийся контроль над обществом и нестабильность системы. В обществе, особенно в переходный период, когда социальные и политические институты неразвиты и слабы, вакуум заполняет сильная президентская власть.

Консервация персонализма после краха коммунистической системы, по мнению социолога Л. Гудкова, произошла из-за того, что дефициты легитимности власти восполнялись традиционалистским мифологизаторством, ксенофобией, изоляционизмом и антизападничеством [22. С. 10].

Политическим идеалом для россиян после президента М. Горбачева стал Б. Ельцин. Он обладал высоким кредитом доверия населения, народ ожидал от него политической стабильности, повышения жизненного уровня, сохранения введенных ранее гражданских прав, прекращения политических преследований, проведения эффективных реформ и главное – сохранения и усиления социальной защищенности, улучшения всего комплекса государственных социальных услуг в образовании, медицине и социальном обеспечении.

Однако на практике спад промышленного производства, затяжной экономический кризис, безработица, преступность, коррупция, беспорядочность и нищета привели к широкому недовольству ельцинским руководством, которое вместе с тем чтобы быть сильной патерналистской властью, оказалось неуправляемым и бросило граждан на произвол судьбы. Популярность Ельцина резко упала.

Наряду с кризисом доверия к президенту в период 1993–1995 гг. наблюдалось падение рейтинга органов представительной власти, связанное отчасти и с отсутствием традиций парламентаризма, и с низким престижем депутатов, обусловленным их поведением как внутри, так и вне стен Государственной Думы. Парламент выступал как инструмент слома коммунистического режима в России и поддержки демократических преобразований. Возникновение парламента как непривычного механизма отбора элит, с одной стороны, вызвало внутригрупповой раскол элиты, с другой – политическое расслоение общества.

После начала реформ политическая роль российского парламента кардинально изменилась. Парламент утратил свою роль в политической системе по сравнению с группами давления и СМИ, которые стали главным инструментом презентации общественных инструментов. Политический кризис 1992–1993 гг., озаглавленный в России противоборством исполнительной и законодательной властей, был с определенной долей условности запрограммирован. В массовом сознании россиян доминировали патерналистские установки, власть соотносилась не с представительными институтами, а с самодержавным лидером. По этой причине президент воспринимался населением как более «естественный» институт власти, чем собрание парламентариев.

Парламент как политический институт содействует стабильной демократической трансформации политической системы. Более того, парламент позволяет обеспе-

чить легальное присутствие оппозиции как политическо-го игрока и ее легальное воздействие на исполнительную власть. Отсутствие парламента или его слабость способствуют усилению авторитарных тенденций. Отсутствие действенных каналов артикуляции и агрегирования политических интересов и настроений граждан усиливает распространение антидемократических тенденций, желание «сильной руки».

Причины быстрого и резкого снижения доверия к российской власти в 1991–1999 гг. коренились в затяжном экономическом кризисе, в специфике демонтажа советской системы, в специфических социально-экономических и политико-культурных условиях формирования новых институтов государственной власти. Данные социологических опросов показывают, что Президент, Правительство, Совет Федерации, Государственная Дума не пользовались высокой поддержкой у населения и доверие оставалось стабильно низким вплоть до выборов 2000 г.

На фоне резкого упадка систем образования и здравоохранения, масштабной преступности и коррупции, военной кампании в Чечне успех В. Путина на президентских выборах был обусловлен еще его соответствием общественным настроениям, патерналистской надежде большинства граждан на сильную и эффективную власть, способную справиться с хаосом, в который была погружена страна.

В. Путину удалось оправдать народную надежду и стать ключевым фактором стабильности политического режима. В общественном мнении декларируемая и проводимая им внутренняя и внешняя политика создала контраст с периодом 90-х гг. Улучшения в социальной и экономической жизни рассматриваются как главные достижения президента. Однако внушительный мандат доверия к центральной власти не привел к возрождению либеральных ценностей, напротив, проводимый политический курс на «завинчивание гаек», по данным социологических опросов, пользовался поддержкой большинства граждан.

Установка «с нашим народом надо быть поосторожнее и не давать послаблений» оказывается желательной с точки зрения не только властей, но и значительной части населения, ощущающего неспособность к гражданской самодеятельности. По данным Левада-Центра, в течение 1990–2013 гг. в ответах на вопрос «какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?» доля утверждающих, что «государство должно больше заботиться о людях», возросла с 57 до 83%, а удельный вес считающих, что «люди должны проявить инициативу», снизился с 25 до 9%. Согласно данным августовского опроса 2013 г., доля полагающих, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной опеки со стороны государства», составила 70% – против 20% респондентов, придерживающихся противоположного мнения [23].

Более того, доля сторонников принципа такого устройства общества, когда власть должна заботиться о людях, за десятилетие с 2001 по 2012 г. ниже 60% не опускалась [24. С. 36].

Следует отметить, что годы формирования новой политической системы под руководством В. Путина совпали с благоприятными годами для российской экономики, что позволило улучшить уровень жизни населения, воссоздать атмосферу безопасности, даровать некоторые граж-

данские и политические свободы и укрепить позиции страны на международной арене. Легитимность российской политической системы за годы президентства В. Путина возросла, но она имеет персональный характер легитимности по терминологии Д. Истона.

Многочисленные социологические опросы фиксируют хроническое социальное недовольство, неуважение к власти, достаточно трезвое понимание людьми того, что на выборах используются административный ресурс и фальсификации, однако граждане не только не сопротивляются этому, но и считают «своим долгом демонстрировать поддержку путинской политике», что подтверждают результаты выборов.

Красноречивые рейтинги доверия социологических центров, свидетельствующие о беспрецедентно высоком доверии и поддержке президента на фоне роста патерналистских и конформистских настроений, обнажают проблему субъектности общественных изменений в России. Политическая система, основывающаяся на фигуре президента В. Путина, не может быть устойчивой и стабильной. Более того, культура неучастия граждан, социальная апатия, недоверие друг к другу и к политическим институтам, стремление перенести всю ответственность «наверх» представляют собой серьезную угрозу для демократического развития России.

За период социологических наблюдений с 1989 по 2007 г. авторитарные установки россиян выросли почти вдвое, тогда как страх перед концентрацией власти в одних руках – в руках «вождя» – уменьшился почти в 2,5 раза. «Сдача населением своих гражданских прав и ответственности диктатору проходит при одновременном ослаблении сопротивления в отношении антидемократических тенденций в России» [25. С. 18].

Российский политический класс «отворачивается» от демократии, не желает существовать в условиях подлинной открытости и политической конкуренции. Возникает вопрос: почему народ участвует в выборах и придает легитимность такому режиму? Существуют две причины отсутствия серьезного сопротивления со стороны граждан, лежащие на поверхности: не развита демократическая политическая культура и политическое сознание обработано пропагандой. На наш взгляд, есть и более глубинная причина. В. Путин предложил россиянам другую модель развития, не похожую на коммунистическую и либеральную в духе 1990-х гг. Суть модели – экономическое развитие и рост личного благосостояния в обмен на гражданские и политические права и свободы. Российский народ согласился передать всю полноту власти В. Путину (и его команде) в обмен на проведение необходимых экономических и социальных реформ, которые, в конечном счете, должны были привести к экономическому процветанию, социальной защищенности, возвращению международного престижа страны. Иными словами, часть общества готова принять любые незаконные, но зато эффективные способы упорядочивания политической и экономической сфер.

А. Зудин отмечает, что становление и консолидация моноцентрического режима стали главным политическим итогом электорального цикла 2003–2004 гг. Политическое ослабление, маргинализация политической оппозиции и плебисцитарный характер федеральных выборов сочетались с усилением политической силы президента

В. Путина и превращением моноцентрического режима в откровенно персоналистский [26. С. 76].

Изучая политические процессы современной России, Е. Осинский предпринял попытку объяснить загадку популярности В. Путина [27]. Одним из первых выводов автора является обнаружение конфликтной структуры легитимности политической системы, которая заключается в том, что персональная легитимность президента подрывает легально-рациональную легитимность политических институтов. Эта оппозиция происходит из конфликтной природы самой легитимности: легально-рациональная легитимность апеллирует к процедурной точности, в то время как харизматическая предполагает использование любых средств для достижения целей.

Это вполне объясняет ситуацию в России: почему поддержка президента, основанная на харизматической легитимности, не транслируется на государственные институты, в основе которых легально-рациональная. Результаты социологических опросов подтверждают, что принципы многопартийности, разделения властей, политической конкуренции не снискали особой популярности и можно выделить специфические особенности отношения граждан к различным ветвям государственной власти.

В качестве объяснительной схемы специфической структуры власти в постсоветской России и ее влияния на установление и эволюцию режима, на наш взгляд, уместно использовать концепцию английского политолога Р. Саквы [28, 29]. Конструкция власти в России им описывается как дуальная конструкция, суть которой в том, что наряду с государственными институтами, действующими согласно принятой Конституции, параллельно функционируют дополнительные, впервые установленные Б. Ельциным административные структуры, которые были созданы с целью личной подотчетности президенту и присмотра за парламентом. Пример такой административной структуры – администрация президента. Новые конституционные рамки были созданы, чтобы соответствовать личности президента Б. Ельцина, и предупредили невыполнение принципа разделения властей.

Российский парламент как представительный орган не стал механизмом политической плюрализации общества, не усилил ответственность власти перед гражданами, не препятствовал монополизации государственной власти различными элитарными группами и не стал источником развития демократии в России. Парламент был постепенно встроен в вертикаль исполнительной власти, стал зависимым как от политических, так и от кадровых решений представителей административной исполнительной вертикали. И все же характер взаимоотношений ветвей власти, функционирования властных институтов обусловлен как стилем политического руководства, так и распространенными массовыми политико-культурными установками, политическими традициями. Подобные социальные опоры власти и создают возможность ее дрейфа в ту сторону, где превышаются конституционные ограничения. За этим стоят признаки авторитаризма, вождизма и консервации традиционалистских тенденций в отправлении власти, которые не благоприятствуют демократизации.

В период своего первого президентства В. Путин демонстрировал попытки создать легально-рациональную легитимность политической системы путем установления

«диктатуры закона». Это явно выражено в первом послании президента В. Путина Федеральному Собранию в 2000 г.: «В России наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм...» [30].

За период политической борьбы 1990-х гг. различных федеральных властей и региональных элит, крупного бизнеса появились и заметно окрепли новые центры влияния. Они не были демократически настроенными, но их многообразие создавало благоприятные условия для политического плюрализма, поиска компромиссов и взаимных уступок. В перспективе это могло бы позволить сформироваться системе сдержек и противовесов, обеспечивающей устойчивость разделения властей. Однако последовали унификация регионального законодательства, смирение региональных элит, вытеснение оппозиционных партий, введение цензуры в СМИ, иными словами, основанное на моральном праве построение «вертикали власти», которая, с одной стороны, стала определенно действенной в критический период для страны, и с другой стороны, получила мандат доверия населения.

Кризис доверия между обществом и властью был обусловлен рядом факторов, таких как резкое усиление социально-экономического неравенства и рост коррупции. У. Бек отмечает, что «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью» [31. С. 115]. Иными словами, политические свободы невозможны без материальной безопасности и защищенности прав граждан.

Проблема неравенства и снижение ценности демократической идеи обостряются устойчивыми эгалитаристскими настроениями, сформировавшимися в сознании россиян, – «элитизация» политики, ее «приватизация» политической и экономической верхушкой общества. Большинство россиян считают, что демократические процедуры – это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше денег. Социолог К. Лэш обоснованно отметил, что если условия жизни в американских городах начнут приближаться к условиям проживания в развивающихся странах, демократия в США должна быть готова заново влюбиться в себя [32. С. 69].

Ю.А. Красин отмечает, что социальное неравенство имеет свое политическое измерение, которое выражается в различиях активности граждан в политике и степени использования властных ресурсов [33]. Ю.А. Красин использует это понятие для описания политической ситуации в России, где целые слои населения исключены из политического процесса, лишены возможности участия в гражданской жизни и не могут добиться включения их требований в политическую повестку дня. По мнению исследователя, в современной России амортизаторы политической бедности отсутствуют по причине неразвитости гражданского общества. Рост «политической бедности» приводит к тому, что функция принятия политических решений концентрируется в узком кругу правящей элиты. Таким образом, политическая бедность, произрастающая из социального неравенства, генерирует авторитарные тенденции в российском обществе.

Поскольку власть в массовом сознании стойко ассоциируется с имеющим коррупционное происхождение богатством, углубление социально-экономического неравенства стало весомым фактором недоверия к власти всех ветвей и уровней, утраты социального оптимизма и как следствие – снижения политической активности и вовлеченности населения.

Несмотря на то, что общая динамика социального самочувствия является позитивной, уровень доверия к институтам в период первого президентства В. Путина оставался таким же предельно низким, как и во времена президентства Б. Ельцина. Одной из объективных причин этого является то, что бюрократия оставалась коррумпированной и неэффективной. Улучшение экономической ситуации и рост уровня благосостояния связывались лично с В. Путиным. А дистанцирование от промахов и ошибок служило защитным механизмом власти и обеспечивало устойчивость.

В. Путин как прагматичный политик достаточно быстро усвоил политический урок, что власть должна быть в руках лидера, а не заключаться в структурах, чтобы сохранить управляемость политическим режимом. Коррумпированную бюрократию излечить изнутри нельзя, и реформировать государственные институты изнутри нерезультативно и маловероятно. В. Путин предпочел работать со структурами, не имеющими конституционных границ. Это те самые параллельные административные структуры: администрация президента, система федеральных округов, Государственный Совет, Совет Безопасности, Общественные палаты. Они созданы для повышения эффективности государственного (и территориального) управления и контроля, управляются посредством распоряжений президента.

Подобные параконституциональные структуры подымают позиции государственных институтов, способствуют слиянию исполнительной и законодательной ветвей власти и доминированию исполнительной власти. Эти структуры оказываются более влиятельными с точки зрения политического реформирования, чем государственные институты. Данные опросов Левада-Центра свидетельствуют о том, что 72% респондентов уверены, что Госдума и Совет Федерации зависят от администрации президента [34]. Как показывают другие исследования социологов, 62% граждан уверены, что центр принятия решений должен находиться в администрации президента. Более того, для россиян модель «вертикаль власти» более привлекательна, чем идеи вроде «Открытого правительства» [35].

По мнению Л. Гудкова, администрация президента полностью определяет все кадровые назначения на ключевые позиции в государстве. «Реальная власть сосредоточена у институционально не оформленного, не дифференцированного, узкого круга лиц... Этот круг управляет важнейшими процессами». Подбор кадров в системе государственного управления основывается не на принципах деловой компетенции, профессионализма и знаниях, а на личной лояльности. Соответственно, вытекающий отсюда административный произвол «блокирует развитие независимого суда, автономии парламента, способствует сращиванию бизнеса и государственной бюрократии...» [25. С. 27].

Более того, создание таких госкорпораций, как Внешэкономбанк, Роснано, ФСК, Олимпстрой, Росатом, Ростехнологии, можно условно рассматривать как показатель усиления «дирижистских» элементов в экономической политике. Эти шаги В. Путина имели и политическое следствие: при таком раскладе «часть решений выводится из сферы полномочий федеральной административной элиты и делегируется в полуавтономные центры» руководству госкорпораций, которые, по сути, сконцентрированы вокруг президентской власти [26. С. 79].

Последствия подобной дуалистической системы власти – нестабильность системы. Еще М. Вебер писал, что харизматическая легитимность по природе неустойчива и нестабильна по сравнению с рационально-легальной, так как основывается на достижениях краткосрочных целей, и в ситуации кризиса маловероятно, что эта система устоит [36. С. 644–706]. Даже если В. Путин будет продолжать свой политический курс, системная нелегитимность будет только усиливаться, и чтобы избежать делегитимации режима, необходима реконструкция системы власти, в частности смена доминирующего персонального типа легитимности на структурный тип.

Социологические данные фиксируют проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, которые подтверждают доминирование персонального типа легитимности российской политической системы и демонстрируют неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности (таблица) [37. С. 140].

Динамика отношения россиян к демократии, 1998–2010 гг., %

Что, по вашему мнению, из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы можно было сказать: «Да, это демократия»?	1998	2001	2004	2007	2010
Равенство всех граждан перед законом	54	83	59	74	53
Независимость суда	42	46	45	46	43
Свобода печати	48	30	34	30	43
Свободные выборы власти	39	26	35	4	40
Возможность высказывать свободно свои политические взгляды	37	23	31	18	36
Наличие частной собственности	23	19	22	16	22
Наличие оппозиции, которая контролировала бы президента и правительство	21	8	22	13	19
Право выбирать между несколькими партиями	6	4	11	7	17
Самостоятельность регионов страны	10	8	7	9	9
Право на забастовку	12	3	11	5	12

Судя по представленным данным, по целому ряду позиций наблюдается даже некоторый рост значимости выборности органов власти, многопартийности, свободы СМИ, предпринимательской деятельности. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что значительное число россиян не считают парламент и многопартийную систему аксиомами для российского общества. Демократические институты, права и свободы в целом востребованы гражданами, тем не менее скептически оценивается их инструментальный потенциал и возможность практического использования демократических принципов и институтов в обеспечении развития страны.

Сложился своеобразный замкнутый круг: когда демократические институты не могут стать эффективными

ввиду отсутствия необходимой поддержки со стороны как граждан, так и элит, а заручиться поддержкой институты не могут по причине того, что большинство населения не верит в эффективность этих институтов при решении имеющихся и возникающих перед обществом и государством проблем, в возможность представления и выражения интересов различных социальных групп общества. Проблема эффективности функционирования политических институтов, их политическая субъектность, а также доверие к ним со стороны населения приобретают первостепенное значение.

Очевидно, что авторитарные и патерналистские ценности популярны среди населения страны. Власть удовлетворяет авторитарный запрос россиян, формально сохраняя демократический фасад, а на деле управляя избирательным процессом с помощью изменения и ужесточения норм избирательного законодательства, жесткого контроля над СМИ и использования на всех уровнях административного ресурса. Число россиян, убежденных в важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за 10 лет сократилось с 51 до 44%. Сохраняется также высокий процент «неопределившихся» (36%) [38. С. 141–142].

Значительная часть российского населения устала от пустой публичной политики, политической конкуренции, социального неравенства и признает целесообразность концентрации власти в одних руках. Авторитарный синдром усиливается, все более распространенными среди граждан желаниями становятся: ликвидация неравенства посредством «отнять и поделить», «олигархов» в тюрьму, богатых обложить высокими налогами. В российском обществе даже в 1990-х гг. не было такого потенциала агрессии, как сейчас. Об этом свидетельствует динамика такого показателя, как распространенность желаний «перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране сложилась такой, какая она есть сейчас». У россиян присутствует выраженная установка на агрессивные и насильственные действия. За три года, с 2008 по 2011 г., произошел более чем двукратный рост распространенности этой установки – с 16 до 34% [38. С. 72–73].

Период прихода к власти В. Путина ознаменовался ренессансом доверия к государственной власти. Речь идет не столько о возложении на государство дополнительных обязанностей, сколько о делегировании ему дополнительных прав (возможность ограничить прессу и влиять на правосудие) в свете возросшего доверия к нему. Такое доверие к государству в общественном сознании свидетельствует о том, что учет новой властью ожиданий россиян, в отличие от ситуации в эпоху президентства Б. Ельцина, способствовал расширению делегирования власти права действовать руководствуясь интересами государства, а не действующими в стране законами. Такое расширение сторонников всевластия государства связано было с ростом доверия россиян к политической элите и прежде всего лично к В. Путину. Однако не стоит упускать из виду и то, что падение доверия к нему, вероятно, повлечет за собой делегитимизацию политической системы.

Усиление авторитаризма при В. Путине сопровождалось деградацией конституционного права, правового государства, судебной системы, публичной сферы и ростом коррупции. По мнению большинства россиян, права

человека не защищены и систематически нарушаются. И несмотря на это, большая часть населения страны видит в В. Путине главного защитника демократии, гражданских прав и свобод.

Вероятно, в силу того что должность председателя правительства в 2008 г. занял В. Путин, наметился рост доверия к работе этого политического института, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. В оценках общественного мнения в 2008 г. правительство стало лучше справляться с задачами экономической политики – бороться с инфляцией и безработицей [24. С. 105]. Появилась перспектива усиления роли правительства и роста общественного доверия к этому институту исполнительной власти. А. Зудин, характеризуя этот политический период, писал о том, что «место персоналистской моноцентрической конструкции занял симбиоз двух “центров силы”» [26. С. 83]. Исследователь отметил образование качественно новой двухполосной структуры власти, порожденной деконцентрацией власти. Первый полюс – премьер – лишенный привычных широких президентских полномочий, но с исключительно высокой общественной поддержкой, с опорой на ведущую партию, с сохранением контроля над региональными парламентами и неформальных связей с ключевыми элитными группами. Второй полюс – президент – наличие всего объема конституционных полномочий, но с ограниченным выходом на ключевые политические ресурсы. Такое отделение институциональной составляющей от политической, деконцентрация и деперсонализация власти, по мнению А. Зудина, позволили говорить о начале трансформации политического режима, о «нормализации» института президентской власти. Следствием политического ослабления президента такой рокировкой, с одной стороны, может стать укрепление доверия и увеличение политического веса других институтов государственной власти, но с другой – возникновение институционального напряжения, которое найдет выход в неограниченном сверхпрезидентском правлении.

В условиях политической стабильности, экономического роста, повышения уровня жизни населения персональная легитимность при сложившемся раскладе политических сил может быть устойчивой до первого серьезного кризиса.

Как вариант возможно дальнейшее укрепление авторитарного режима, персональная легитимность которого будет поддерживаться перманентным закручиванием гаек посредством использования медиаманипулятивных технологий, путем актуализации борьбы с внутренними и внешними врагами и благодаря распространенному в массовом сознании граждан авторитарному синдрому. Для установления демократической легитимности необходимы существенные изменения в политической культуре граждан, формирование новой демократической политической культуры общества. Это потребует немало времени и благоприятных условий.

Исследование динамики показателей авторитарного синдрома в условиях постсоветской социально-политической трансформации свидетельствует о том, что авторитарный синдром широко распространен и оказывает влияние на процесс легитимации институтов государственной власти, в частности на установление и поддер-

жание персонального типа легитимации российской политической системы.

Можно ли рассматривать снижение уровня поддержки президента В. Путина как свидетельство начала перехода от персонального к структурному типу легитимации российской политической системы, как снижение уровня авторитарности? Более того, за последнее время в политическом мире произошло нечто новое: продемонстрирована осмысленность политических выборов, показана бессмысленность и возможность легальной политической борьбы, значимость голосования, эффективность сетевых технологий наблюдения и раскрытия фокусов российской власти.

Ответ на заданный вопрос – вероятнее всего нет, потому что главным риском популярности В. Путина, по мнению социологов, являются экономические про-

блемы, состояние гражданских прав и свобод путинский электорат особо не волнует. Население не видит конструктивной альтернативы Путину, новые лица власти не смогут лучше него решить основные проблемы – рост тарифов ЖКХ и продолжающуюся инфляцию. По данным Левада-Центра, В. Путин стабильно незаменим, так продолжает считать большинство опрошенных россиян – 56% [39]. Снижение уровня поддержки является своего рода явным запросом на порядок, стабильность и на вновь заметное улучшение материального благополучия – подобно тому, что было в начале 2000-х гг. Народ недоволен «сбросом» государством своих социальных обязанностей. Объем социальных гарантий постоянно тает и уменьшается, падение уровня жизни граждане ощущают на себе, что и провоцирует усиление авторитарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Easton D. A system analysis of political life. N.Y., 1965. 507 p.
2. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, № 2. P. 97–117.
3. Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. 320 с.
4. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. 168 с.
5. Образы российской власти от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
6. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 422 с.
7. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. 1997. № 5. С. 127–139.
8. Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис. 1997. № 2. С. 159–171.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск: Водолей, 1996. 251 с.
10. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: Наука, 2006. 330 с.
11. Романович Н.А. Концепция единовласти в общественном сознании (традиции и социокультурные основания). URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>
12. Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС. 2006. № 3. С. 67–74.
13. Mishler W., Willerton J. The dynamics of presidential popularity in Post-Communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice? // Journal of politics. 2003. Vol. 65, is. 1. P. 111–141.
14. Кейзеров Н.М. Доктрина персонализации власти // Социс. 1990. № 3. С. 79–87.
15. Баширова Е., Лайдинен Н. Президент: феномен общественной поддержки // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 29–36.
16. White S., McAllister I. Putin and His Supporters // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55, № 3. P. 383–399.
17. White S., Oates S., McAllister I. Media effects and Russian elections, 1999–2000 // British journal of political science. 2005. Vol. 35, № 2. P. 191–208.
18. Осокина Е. Влияние американских СМИ на массовое сознание. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>
19. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов; Институт «Открытое общество». М.: Аспект-Пресс, 1996. 125 с.
20. Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России / отв. ред. С.А. Ланцов, С.М. Елисеев. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 86–116.
21. Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая / под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. С. 15–70.
22. Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 8–32.
23. Пресс-выпуск «Россияне о свободе, демократии, государстве». 25.09.2013. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>
24. Общественное мнение–2012. М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.
25. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (91). С. 8–29.
26. Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС. 2010. № 5. С. 71–86.
27. Ossinovsky E. Legitimacy political power in Putin's Russia. URL: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsioonid/2010/pdf/Ossinovsky_MA.pdf
28. Sakwa R. The dual state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26, № 3. P. 185–206.
29. Саква Р. Путин: выбор России / вступ. ст. А. Чубарьяна; пер с англ. А. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 480 с.
30. Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 8.07.2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
31. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-традиция, 2001. 303 с.
32. Леви К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002. 220 с.
33. Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении. URL: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ю-а-красин-социальное-неравенство-в-по/>
34. Пресс-выпуск «Россияне о независимости ветвей власти». 22.10.2012. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-veltei-vlasti>
35. Иванов М. Страна победившей вертикали // Газета «Ъ». URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>
36. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
37. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. 343 с.
38. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. 325 с.
39. Пресс-выпуск «Владимир Путин стабильно незаменим». 20.08.2012. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamenim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 ноября 2013 г.

In the last decade, Russia's political system has survived a successive stage of transformation, the content of which is the creation of federal districts, the new procedure for the formation of the Federation Council, the change of the electoral law, the abolition of direct elections for the heads of subjects of the Russian Federation, the increase of the terms of the President and members of the State Duma, the adoption of amendments to the law on non-profit organizations, according to which, the majority of Russian NGOs were equated to the political "foreign agents" with all the consequences of their activities. Clearly, this situation is due to a number of factors, not the least of them is the fact that the current President of the Russian Federation bases on the strong support of the public opinion. The August surveys by Levada-Center show support for the political regime and the policy pursued by the President. Laws on giant fines for violations at rallies, the return of the article on defamation in the Criminal Code (58%), a register of banned sites (62%) and introduction of the "foreign agent" concept for non-profit organizations, which were adopted in the first months of his term have the support of the citizens (45%), and were accepted as an attempt of the authorities to turn Russia into a great and economically prosperous empire. 36% of respondents believe that the government, therefore, establishes the order in the country. Citizens formed a request for the order, and paternalism still dominates in the society. Putin did not create an authoritarian regime in Russia, and the specificity of the situation is that the reduction of political competition, changes in the electoral system, obstacles in the way of the multi-party system, corrupted elite, non-confidence of business in the government / state, elimination of some elements of direct democracy, post-Soviet political culture, prolonged economic crisis and failed reforms, in general, corresponded to the public demand for authoritarianism and paternalism, and predetermined Putin's coming to power on the wave of people's hope for the best. Gradual transformation is required of the personal legitimacy of the Russian President into the structural (by D. Easton) legitimacy of the Russian President, whoever takes the post in the future. British researcher R. Rose said that the more Putin's contribution to ensure popular support for the current political regime in Russia is, the more likely is the shock after he leaves his post. In order to understand what the prospects for the transformation of the Russian political system, namely, the transfer from the personal type of legitimacy to the structural one (by D. Easton) are, we have analysed the components of the authoritarian syndrome in their dynamics presented in the mass consciousness of Russian citizens since the collapse of the USSR.

REFERENCES

1. Easton D. A system analysis of political life. N.Y., 1965. 507 p.
2. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, № 2. R. 97–117.
3. Pivovarov Yu.S. Polnaya gibel' vser'ez: Izbrannye raboty. M. : ROSSPEN, 2004. 320 s.
4. Pivovarov Yu.S. Russkaya politika v ee istoricheskom i kul'turnom otnosheniyakh. M. : ROSSPEN, 2006. 168 s.
5. Obrazy rossiyskoy vlasti ot El'tsina do Putina / pod red. E.B. Shestopal. M. : ROSSPEN, 2009. 415 s.
6. Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoy Rossii / pod red. E.B. Shestopal. M. : ROSSPEN, 2012. 422 s.
7. Shcherbinina N.G. Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture // Polis. 1997. № 5. S. 127–139.
8. Shcherbinin A.I. Gosudar' i grazhdanin // Polis. 1997. № 2. S. 159–171.
9. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Politicheskii mir Rossii. Tomsk : Vodoley, 1996. 251 s.
10. Glebova I.I. Politicheskaya kul'tura Rossii: obrazy proshlogo i sovremennost' / otv. red. Yu.S. Pivovarov. M. : Nauka, 2006. 330 s.
11. Romanovich N.A. Kontseptsiya edinovlastiya v obshchestvennom soznanii (traditsii i sotsiokul'turnye osnovaniya). URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>
12. Sedov L.A. Traditsionnye cherty rossiyskoy politicheskoy kul'tury v ikh sovremennoy prelomlenii // ONS. 2006. № 3. S. 67–74.
13. Mishler W., Willerton J. The dynamics of presidential popularity in Post-Communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice? // Journal of politics. 2003. Vol. 65, is. 1. R. 111–141.
14. Keyzerov N.M. Doktrina personalizatsii vlasti // Sotsis. 1990. № 3. S. 79–87.
15. Bashkirova E., Laydinen N. Prezident: fenomen obshchestvennoy podderzhki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 9. S. 29–36.
16. White S., McAllister I. Putin and His Supporters // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55, № 3. R. 383–399.
17. White S., Oates S., McAllister I. Media effects and Russian elections, 1999–2000 // British journal of political science. 2005. Vol. 35, № 2. R. 191–208.
18. Osokina E. Vliyaniye amerikanskikh SMI na massovoe soznanie. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>
19. Legitimitsiya vlasti v postsotsialisticheskoy rossiyskoy obshchestve / V.A. Achkasov, S.M. Eliseev, S.A. Lantsov ; Institut «Otkrytoye obshchestvo». M. : Aspekt-Press, 1996. 125 s.
20. Mayer G. Demokraticeskaya legitimnost' v postkommunisticheskoy obshchestve: kontseptsii i problemy // Legitimnost' i legitimatsiya vlasti v Rossii / otv. red. S.A. Lantsov, S.M. Eliseev. Spb. : SPbGU, 1995. S. 86–116.
21. Kuvaldin V. Prezidentstvo v kontekste rossiyskoy transformatsii // Rossiya politicheskaya / pod red. L. Shevtsovoy. M., 1998. S. 15–70.
22. Gudkov L. Obshchestvo s ogranichennoy vmenyaemost'yu // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2008. № 1 (93). S. 8–32.
23. Press-vypusk «Rossiyane o svobode, demokratii, gosudarstve». 25.09.2013. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>
24. Obshchestvennoe mnenie–2012. M. : Levada-Tsentr, 2012. 232 s.
25. Gudkov L. Itogi putinskogo pravleniya // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2007. № 5 (91). S. 8–29.
26. Zudin A.Yu. K «soobshchestvu» elit? Transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii // ONS. 2010. № 5. S. 71–86.
27. Ossinovskiy E. Legitimacy political power in Putin's Russia. URL: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsiooni/2010/pdf/Ossinovskiy_MA.pdf
28. Sakva R. The dual state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26, № 3. R. 185–206.
29. Sakva R. Putin: vybor Rossii / vstup. st. A. Chubar'yana ; per s angl. A. L'vova, V. Yakovleva, D. Nalepinoy. M. : OLMA-PRESS, 2005. 480 s.
30. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu RF. 8.07.2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
31. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu. M. : Progress-traditsiya, 2001. 303 s.
32. Lesh K. Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii. M. : Logos: Progress, 2002. 220 s.
33. Krasin Yu.A. Sotsial'noe neravenstvo v politicheskom izmerenii. URL: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ya-a-krasin-sotsial'noe-neravenstvo-v-po/>
34. Press-vypusk «Rossiyane o nezavisimosti vetvey vlasti». 22.10.2012. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvei-vlasti>
35. Ivanov M. Strana pobedivshykh vertikal' // Gazeta «""». URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>
36. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Izbrannye proizvedeniya. M. : Progress, 1990. S. 644–706.
37. Gotovo li rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii? / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. M. : Ves' mir, 2010. 343 s.
38. Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova. M. : Ves' mir, 2011. 325 s.
39. Press-vypusk «Vladimir Putin stabil'no nezamenim». 20.08.2012. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamenim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>